

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці II

A Scholarly Annual of Ferenc Rákóczi II.
Hungarian College of Transcarpathia

2009
VIII. évfolyam, 2. kötet
Том VIII, № 2
Volume VIII, № 2

Acta Beregsasiensis

A II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Науковий вісник
Закарпатського угорського інституту ім. Ф. Ракоці ІІ

2009/2
VIII. évfolyam, 2. kötet / Том VIII, № 2

SZERKESZTŐBIZOTTSÁG: Soós Kálmán, Orosz Ildikó, Csernicskó István, Barkáts Jenő
A KÖTETET SZERKESZTETTE: Penckófer János, Kohut Attila

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ: Шовш К., Орос І., Черничко С., Боркач Є.
ЗА РЕДАКЦІЮ: Пенцкофер І., Когут А.

KORREKTÚRA: G. Varcaba Ildikó / Коректура: Г. Варцаба І.
TÖRDELÉS: Garanyi Béla / Верстка: Гороній А.

A kiadvány megjelenését a

támogatta

A kiadásért felel: Orosz Ildikó és Soós Kálmán / Відповідальні за випуск: Орос І., Шовш К.

ISBN: 978-966-7966-78-2

Készült: PoliPrint Kft. Ungvár, Turgenyev u. 2. Felelős vezető: Kovács Dezső

A II. Rákóczi Ferenc
Kárpátjai Magyar Főiskola
tudományos évkönyve

Tartalom

Történelem

ORBÁN LÁSZLÓ: Nemzet- és nacionalizmuselméletek	7
BOCSKOR MEDVE CZ ANDREA: Nacionalizmus és történetírás. Az ukrán történelemformálás hatása a nemzetté válás folyamatában	17
LUKÁCS ATTILA: Kárpátalja magyar–magyar kapcsolatainak alakulása. 1989–1994	35
SZAKÁL IMRE: Magyar ellenzékiesség Podkarpatszka Ruszban 1919 és 1938 között. Pártprogramok és érdekérvényesítés	49
MOLNÁR FERENC: A máramarosi határvidék hadászati problémái az 1849. évben	61
SZÉKELY GUSZTÁV: Ugocsa vármegye kialakulása az új kutatások tükrében	73
HOMOKI DIANNA: Rákóczi hadseregének társadalmi helyzete	91

Pedagógia

ЧЕРНИЧКО СТЕПАН: Напрямки мовної освіти України і угорськомовна освіта на Закарпатті	97
BERECZKY GYÖRGY: A nemzetiségek helye és szerepe a szovjet iskolai történelemoktatásban a <i>Szovjetunió története</i> című tankönyvek alapján	107
HEVESI TIBOR: Dinamikus geometriai szerkesztések mértanórán	115
LECHNER ILONA: <i>Altersspezifische Merkmale des Fremdsprachenerwerbs und Fremdsprachunterrichts</i>	125
ÁDÁM ERZSÉBET: A zenei nevelés helye és szerepe a pedagógusi munkában	137

Nyelvészet. Irodalom. Művelődés

MÁRKU ANITA: Nyelvválasztási stratégiák a kétnyelvű kárpátaljai fiatalok körében	145
SZILÁGYI LÁSZLÓ: Language Learning Strategies used by Monolingual and Bilingual Students in Transcarpathian Secondary Schools	163
DR. ILONA HUSZTI: How can a language learner be successful in second or third language acquisition?	177
AGNES G. HAVRIL: The past and present periods of English for Special Purposes teaching and testing in Hungary	187
GAZDAG VILMOS: Nyelvi attitűdök és az interferencia kérdései Vadastanya ukrán/ruszin nyelvű lakossága körében	199
BÁRÁNY BÉLA: Традиции «Войны и мира» Л. Н. Толстого в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»	215
CSEH GIZELLA: A magyar népszínmű XIX. századi művelődéstörténetének vázlata	229

Egyház(történet)

ORBÁN MARIANNA: Ébredési mozgalom a Kárpátaljai Református Egyházban (1936–1947)	239
GERENDELY BÉLA: Egyházi felekezetek Tiszakeresztúrtban	245

Epidémia. Vízvizsgálat. Régészet. Logisztika

DANCS GYÖRGY: Az 1831-es kolerajárvány és Perényi szerepe az ellene folyó harcban	253
CSOMA ZOLTÁN–HADNAGY ISTVÁN: A felszíni és a felszín alatti vizek nitráttérhelése Makkosjánosi községben és környékén	265
РАЦ А.Й.: Закарпатські обсидіани: міфи та реальність	273
PATAKI GÁBOR: Kárpátalja logisztikai szerepköre és fejlődési stratégiái	279

<i>Eseménynaptár</i>	300
-----------------------------------	-----

BÁRÁNY BÉLA*

Традиции «Войны и мира» Л. Н. Толстого в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба»

Резюме A XIX. századi orosz irodalom két kiemelt alkotásának összehasonlítása áll a tanulmány középpontjában. L. N. Tolsztoj *Háború és béke*, valamint V. Grosszmann *Élet és sors* című regényének megírása között sajátos párhuzamok, hagyományok figyelhetők meg. E vizsgálódás messzemenő kutatómunkát igényel, ugyanis középpontjába azok az eszméi, stílusbeli és tartalmi jegyek kerülnek, melyeket a XIX. és XX. századi orosz történelmi események – orosz és külföldi – hasonló és különböző szerzői megítélése határoz meg. E két művész az ember szerepére ugyanúgy figyel, miként a történelmi eseményekre. Így L. N. Tolsztoj és V. Grosszmann a háború és az ember viszonyának feltárásával jeleskedik. A *Háború és béke* középpontjában Napóleon oroszországi hadjárata, a borogyinói csata, az *Élet és sors*éba pedig a hitleri invázió és a sztálingrádi ütközet kerül. Mindkét esemény mindkét korban meghatározóan hatott a háborúk végkimenetelére, akár csak a két mű szereplőinek egész életére is. És ezek láttatásában ölt testet L. N. Tolsztoj, valamint V. Grosszmann művészi szemlélete.

Резюме Встановлення своєрідних паралелей між традиціями написання двох монументальних романів російської літератури та культури XIX–XX століття – „Війна і мир” Л. Н. Толстого та „Життя і доля” В. Гроссмана є темою масштабного дослідження. Головним завданням цієї роботи є встановлення тих ідейних, стилевих і змістових властивостей досліджуваних романів, які лежать в основі спільних та розбіжних авторських поглядів, зумовляють їх взаємовплив у процесі художнього зображення письменниками важливих історичних подій в житті Росії XIX–XX століття і за її кордонами. Увага письменників зосереджена не тільки на важливих історичних моментах, а й на безпосередній ролі людини в цих подіях. Л. Н. Толстой та В. Гроссман вражають читача, в першу чергу, тим, як вони зображують війну та людину на війні. В центрі роману „Життя і доля” є напад Гітлера на Радянський Союз та Сталінградська битва, а в романі „Війна і мир” – напад Наполеона на Росію та Бородинська битва. Обидві події мали вирішальний вплив не тільки на хід війни у відповідну історичну епоху, але і на життя героїв романів, через яких втілені погляди В. Гроссмана і Л. Н. Толстого.

Установление своеобразных паралелей и аналогий между традициями написания двух монументальных романов русской литературы и культуры XIX–XX века – «Войны и мира» Л. Н. Толстого и «Жизни и судьбы» В. Гроссмана – является темой очень обширного и серьезного исследования.

Главной задачей данной работы есть сравнение и противопоставление тех авторских, стилевых, повествовательных и содержательных аспектов анализируемых романов, которые могли бы послужить коренными, основными указателями на сходства и расхождения в восприятии, взаимовлиянии и изображении писателями исторических событий не только в жизни России XIX–XX века, но и далеко за ее пределами. «Война и мир» и «Жизнь и судьба» – это масштабные философские исследования российской истории от XIX века в романе Л. Н. Толстого вплоть до сталинской эпохи советского периода XX века в произведении В. Гроссмана. В «Жизни и судьбе» и «Войне и мире» переплетается жизнь разных слоёв общества, представленных в образном мире исследуемых шедевров литературы и органично воплощенных через несколько литературных потоков в форме деревенской, городской, военной прозы, тонкости проявлений которых в анализируемых произведениях намечено изучить в данной работе. В центре внимания писателей постоянно перебивают не только исключительно важные исторические моменты, но прежде всего – участие и роль человека, народа в этих событиях, в условиях

* II. Rákóczi Ferenc Kárpátaljai Magyar Főiskola, Angol Nyelv és Irodalom Tanszék, tanár

военного и мирного времени. А. Н. Толстой и В. Гроссман в своих книгах поражают читателя тем, как они пишут о войне и о людях на войне. Война – главное событие в романах. Центральное место в романе «Жизнь и судьба» занимает нападение Гитлера на Советский Союз и Сталинградская битва, а в «Войне и мире» – нападение Наполеона на Россию и Бородинская битва. Судьбы многих героев исследуемых романов связаны с указанными битвами, которые можно назвать кризисными точками войны, от которых начинался перелом не только в ходе войны, но и в жизни героев В. Гроссмана и А. Н. Толстого. Как указывает Дж. Эпштейн,

«параллели между наполеоновским и гитлеровским нашествием на Россию, между Бородинской и Сталинградской битвой очевидны. В каждой из этих войн решалась судьба Европы. В обоих сражениях потери противников – особенно русских – были беспрецедентны. И в обоих случаях русские, вопреки всему, вышли победителями» (Эпштейн: 2007).

Не случайно литературные критики называют роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» «Войной и миром» о Второй мировой войне и напоминают о том, что писатель за годы работы военным корреспондентом неоднократно перечитывал этот роман вместе с другими военными произведениями А. Н. Толстого, например, «Севастопольскими рассказами», влияние которых чувствуется в описании мужества и героизма защитников Сталинграда в романе «Жизнь и судьба», в детальном анализе человеческого поведения перед лицом опасности и смерти. Как подчёркивает А. Лазарев, роман А. Н. Толстого «был главной традицией, главным ориентиром для русской литературы о войне, оказал на нее очень сильное нравственное и эстетическое влияние» (Лазарев: 2006). В исследуемых романах развивается мысль о бесчеловечности войны, ее жестокости и противоестественности. Они стали книгами, которые отвечают читателю «на самые прямые вопросы времени: что есть действительная храбрость и действительная трусость? Кто, какие люди представляют собою действительные пружины войны и кто – пружины мнимые?» (Лазарев: 2006).

Важным аспектом интерпретации романа «Жизнь и судьба» в духе главного произведения А. Н. Толстого «Война и мир» есть размышления о столкновении авторов и героев с многозначностью понятий «мир и свобода». В романе А. Н. Толстого мир «не только слово, но образ, богатый многими смыслами, которые, не совпадая друг с другом, однако, сходятся вместе как родственные один другому под шапкой этого емкого слова» (Бочаров 1978: 37). В художественном пространстве анализируемых произведений читатель находит яркие примеры стремлений авторов к обретению и воплощению в обществе через поведение и жизнь героев романов одного из основных этимологических значений, соединенных в смысле слова «мир» – в значении «как отсутствие вражды и войн, спокойствие и согласие» (Бочаров 1985: 231). Следует вспомнить только маленький отрывок о Бородинском поле, пропитанном после битвы кровью, из текста романа А. Н. Толстого «Война и мир» и наблюдения не только Наполеона, «который обыкновенно любил рассматривать убитых и раненых, испытывая тем свою душевную силу» (Толстой 1968: 264), но и всех участников столкновения, размышления которых об осознании значения и цены слова «мир» интерпретируется вопросом повествователя, обращенного не только к прямым участникам Бородинского сражения, но и прямо к читателю. Из уст А. Н. Толстого звучат

слова, одинаково созревшие в душе противоборствующих сторон, русских и французских воинов, о том, что

«зачем, для кого убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте, что хотите, а я не хочу больше! Мысль эта к вечеру одинаково созрела в душе каждого. Всякую минуту могли все эти люди ужаснуться того, что они делали, бросить все и побежать куда попало», но «[...] ядра так же быстро и жестоко перелетали с обеих сторон и расплюскивали человеческое тело, и продолжало совершаться то страшное дело, которое совершается не по воле людей, а по воле того, кто руководит людьми и мирами» (Толстой 1968: 269).

И в романе В. Гроссмана мирная «жизнь глохнет там, где насилие стремится стереть ее своеобразие и особенности» (Гроссман 1990: 7).

Важным составным элементом мирной жизни есть свобода, истинный смысл которой познают герои В. Гроссмана и Л. Н. Толстого только ценой больших страданий и переживаний. Пьер Безухов в «Войне и мире», как и Крымов в романе «Жизнь и судьба», обрёл «внутреннюю свободу, только лишившись свободы внешней» (Бочаров 1978: 92). Пьер именно в плену у французов, в лишении и недостатке научился ценить настоящую жизнь:

«Здесь, теперь только в первый раз Пьер вполне оценил наслаждение еды, когда хотелось есть, питья, когда хотелось пить, сна, когда хотелось спать, тепла, когда было холодно, разговора с человеком, когда хотелось говорить и послушать человеческий голос. Удовлетворение потребностей – хорошая пища, чистота, свобода – теперь, когда он был лишен всего этого, казались Пьеру совершенным счастьем [...]. А между тем впоследствии и во всю свою жизнь Пьер с восторгом говорил об этом месяце плена, [...], о том полном душевном спокойствии, о совершенной внутренней свободе, которые он испытывал только в это время. И чувство это не только не покидало его во все время плена, но, напротив, возрастало в нем по мере того, как увеличивались трудности его положения» (Толстой 1981: 75-76).

Ощущение «внутренней свободы» излучают и печальные размышления в письме матери, Анны Семеновны Штрум, к сыну из «средневекового гетто» в романе «Жизнь и судьба»:

«Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволоку? Я думала, что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы [...]. В этом загоне все носят печать, поставленную на нас фашистами, и поэтому здесь не так жжет мою душу эта печать. Здесь я себя почувствовала не бесправным скотом, а несчастным человеком. От этого мне стало легче» (Гроссман 1990: 43).

Толстовская мысль о «внутренней свободе» и «душевном спокойствии» в плену наследуется и четко реализуется и в других произведениях мировой литературы XX века. Например, следует только вспомнить необычайно уравновешенные воспоминания Дёрдя Кёвеша в романе венгерского писателя Имре Кертеса (1929-) «Обездоленность» (1975) о своеобразном «счастье концентрационных лагерей». Делая «шаг за шагом», Дёрдь переносит сверхчеловеческие мучения и лишения в концентрационных лагерях Аушвица и Бухенвальда, после освобождения из которых он даже ностальгирует за своеобразным «счастьем концентрационных лагерей», где

«даже рядом с дымовыми трубами было в перерывах между муками что-то, походившее на счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание остается самым памятным» (Кертес 2003: № 14-15).

Или же стоит вспомнить воспоминания заключенного Шухова в произведении А. И. Солженицына (1918-2008) «Один день Ивана Денисовича» (1968), для которого прожитый день в лагере, даже после изнурительного труда

«прошёл, [...], ничем не омрачённый, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за высоких годов – три дня лишних набавлялось» (Солженицын 1990: 95).

В вышецитируемых фрагментах произведений мировой литературы XX века в поведении и в монологических размышлениях героев подчеркивается та природная таинственная сила, которая помогает человеку, лишенному, кажется, всякой опоры и помощи размышлять о жизни и воспринимать жестокие условия судьбы с верой и надеждой в чудо свободы и спасения. Партнером в полемике, или же, как замечают в критической литературе, «диалектических» размышлениях героев становится их душа, более того, она становится опорой, вселяя надежду. «Диалектика души – это гениальное толстовское открытие» (Ланин 1992: 39), которое в анализируемых романах занимает важное место в характере трагедийных образов Л. Н. Толстого и В. Гроссмана.

Вершиной гроссмановского психологизма, примером беспощадного внутреннего монолога, прямой оценкой жизни, отношения к людям представляются страдания и прозрения в тюрьме комиссара Крымова в романе «Жизнь и судьба». Во взглядах и в поведении Крымова, которого люди называли до момента заключения «товарищ комиссар», мы видим, как он воспринимает такие явления, как ненависть, стыд, отчаяние, сомнение. Когда следователь ударил Крымова на допросе, то у него: «[...] в первые минуты не было ни ненависти, ни физической боли. Удар по лицу означал духовную катастрофу и не мог ничего вызвать, кроме оцепенения, остолебения» (Гроссман 1990: 327). Крымов страдает от отчаяния: «Он не мог осознать колоссального значения слов: “лишение свободы”. Он становился другим существом, все в нем должно было измениться, – его лишили свободы» (Гроссман 1990: 328). В заключении Крымов вспоминает, как он отзывался на аресты и исчезновения других:

«Когда сажали меньшевиков, эсеров, белогвардейцев, попов, кулацких агитаторов, он никогда, ни разу, даже на минуту не задумывался над тем, что чувствуют эти люди, теряя свободу, ожидая приговора. Он не думал об их женах, матерях, детях» (Гроссман 1990: 334).

И только когда посадили Крымова, он понял все муки и страдания. Как указывает Л. Аннинский, герой В. Гроссмана впервые в жизни признает в следователе, который «дает ему в зубы, ему, “знатоку рабочего движения в странах колониального Востока”, не “чужака”, не “плохого человека”, пробравшегося на важный пост, а свое собственное отражение, самого себя в прошлом, свою непримиримость, свой фанатизм» (Аннинский 1988: 262). Крымов, как и Пьер, «через ужас смерти, лишения, через простое, непосредственное ощущение жизни пришел к согласию, «миру» с самим

собой [...]» (Бочаров 1978: 99). В романе «Жизнь и судьба» и «Война и мир» «диалектика души для писателей – это не только форма психологизма, но еще и своеобразие эпопейного повествования, когда герои эпопеи, укрупненные эпопейными коллизиями, масштабами внутренних переживаний, все чаще принимают на себя субъектов повествования» (Ланин 1992: 40).

В повествовательной манере душевных монологов героев В. Гроссмана и Л. Н. Толстого даже в крайне непредвиденных историей обстоятельствах и условиях следует указать на еще одну отличительную черту – это уровень проявления в монологах гармонического мировосприятия. В образном мире «Жизни и судьбы» очень трудно назвать персонаж, который хоть бы на мгновение познал, испытал, пережил жизнь в гармонии и спокойствии. В чувственном мире героев В. Гроссмана властвует и руководит стихия и трагедия, которые ослабляли и уничтожали душу, веру, простейшую «мысль о сопротивлении». Силы исторических событий XX века истребили в душе героев «Жизни и судьбы» чувство личности, раздавили ее. Человеку в подобных условиях увидеть и воспринимать мир так, как мог смотреть на него и чувствовать его Пьер в романе «Война и мир», не было дано. В «Жизни и судьбе» сила жизни только угасает, в отличие от жажды к жизни и счастью как у толстовского Пьера, который «чувствовал, как по мере усилий, которые делала роковая сила, чтобы раздавить его, в душе его вырастала и крепла независимая от нее сила жизни» (Толстой 1981: 81).

Как подчёркивает А. Немзер в работе Е. Юдковской, становится очевидным, что «Гроссман не столько следовал Толстому, сколько мечтал о толстовском видении, видении, на которое он был не способен по многим причинам. Не верил Гроссман в того Бога, в который верил Толстой эпохи «Войны и мира»» (Юдковская 1989: 34). Если вспомнить слова заключенного Иконникова, то в этом читатель легко убеждается и в тексте романа «Жизнь и судьба»:

«Пятнадцатого сентября прошлого года я видел казнь двадцати тысяч евреев – женщин, детей и стариков. В этот день я понял, что Бог не мог допустить подобное, и мне стало очевидно, что его нет» (Гроссман 1990: 12).

Среди героев В. Гроссмана было бы затруднительно отыскать персонаж, подобный княжне Марье в романе Л. Н. Толстого, для которой в том мире, где она жила, «все сложные законы человечества сосредоточивались для нее в одном простом и ясном законе – в законе любви и самоотвержения [...]» (Толстой 1981: 174), а любовь отождествлялась с Богом. Многие герои В. Гроссмана тоже пытаются строить себе дорогу к любви, они тоже проявляют самоотверженность и желание к истинной вере, только существенная разница состоит в том, что путь гроссмановских персонажей к достижению и реализации этих целей в исторических условиях XX века «оказался сопряженным с неведомыми доселе испытаниями человеческого духа» (Ланин 1992: 40), и вера в Бога у них проявляется по-своему, под влиянием и в зависимости от истории, времени. Например, физик-атомщик Штрум в мучительных поисках оправданий своей правоты перед великим «хозяином», Сталиным, ощущает силу Всемогущего, несмотря на то, что

«он не верил в Бога, но почему-то в эти минуты казалось, – Бог смотрит на него. Он не думал о Боге, не думал о матери, когда непоколебимо ощутил свое окончательное решение. Но они были рядом с ним, хотя он не думал о них» (Гроссман 1990: 372).

Для автора романа «Жизнь и судьба» в условиях такой, сложившейся трагической истории, могла только существовать «мечта о гармонии, о Толстом» (Юджовская 1989: 34).

В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба» ушел дальше от видений и восприятия Л. Н. Толстым и его героями роли божественных и бессмертных сил в течении истории, намного вперед от того времени, когда поголовное истребление людей еще не превратилось в механизм, в машину смерти, и дал свое предупреждающее опеределение силам, которые управляют движением истории человечества, довел до конечной ясности читателю мысль, зачатую Л. Н. Толстым о том, что «ход мировых событий предопределен свыше, зависит от всех произволов людей, участвующих в этих событиях» (Толстой 1968: 227). В романе «Жизнь и судьба» автор «идет дальше в постижении исторической драмы, разыгравшейся в Сталинграде, – она рассматривается с точки зрения универсальных, всеобъемлющих категорий человеческого бытия» (Лазарев 1988: 222). Герои «Жизни и судьбы» решают и выполняют «задачи, которые оказались не по плечу Богу» (Гроссман 1990: 368). В. Гроссман понимает и доводит читателю через образы своего романа то, что в «XX веке, когда убийство стало обыденным явлением, писать о смерти одного человека, забывая о масштабах общечеловеческой трагедии, было невозможно» (Ольбрых 2002: 52). А для героев Л. Н. Толстого

«личные интересы настоящего до такой степени значительнее общих интересов, что из-за них никогда не чувствуется (вовсе не заметен даже) интерес общий. Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего» (Толстой 1981: 11).

Взгляд В. Гроссмана направлен дальше пределов счастья и любви. Его герои превращаются в символ триумфальной и всемогущественной заботливости и любви к человечеству Вселенной. В мировосприятии В. Гроссмана «нет надежды на второе пришествие Христа, который покорным, готовым беспрекословно принять все божьи указания и запреты, даст вечный рай. У него миллионы покорных, и именно поэтому обреченных, молчаливо и безнадежно ступающих в газовую камеру, где их ожидает ад» (Ольбрых 2002: 52). Персонажи В. Гроссмана через свои поступки и деяния становятся божествами и спасителями. Например, в романе «Жизнь и судьба» могучее материнское отчаяние Людмилы Николаевны Шапошниковой возле могилы ее сына Толи, «подобно Богу, подняло лейтенанта из могилы, заполнило пустоту новыми звездами» (Гроссман 1990: 78).

Размышляя о взглядах В. Гроссмана на окружающий его мир, следует упомянуть и еще об одном свойстве автора, которое только начинало восходить к Л. Н. Толстому в «Войне и мире» – это владение автором «Жизни и судьбы» «двойным зрением» (Ольбрых 2002: 52). В. Гроссман научился смотреть на мир через «глаз, наученный Толстым, от Толстого обретшим зрением» (Аннинский 1988: 257). Но такую Катастрофу в истории человечества XX века, которую довелось увидеть своими глазами В. Гроссману, у Л. Н. Толстого читатель не прочтет. Для восприятия и осмысления такого трагического зрелища «толстовская капитальная идея» о том, «что ужас жизни можно вынести, если внутренний порядок жизни не нарушен, [...] не покрывает новой реальности, [...] мало представимой в толстовские времена» (Аннинский 1988: 257). И здесь на помощь В. Гроссману приходит словно прирожденное наследственно

«двойное зрение» писателя, взгляд которого читатель ощущает, вспоминая, например, слова Софьи Осиповны Левинтон, обнявшей маленького Давида, ее сына, рожденного «непорочным зачатием» через смерть матери, в камере, наполненной смертоносным газом,

«Я стала матерью», – подумала она. Это была ее последняя мысль. А в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; хлынула тошнота, Софья Осиповна прижимала к себе Давида, куклу, стала мертвой куклой» (Гроссман 1990: 294-295).

В. Гроссман «двойным зрением» смотрел на Героиню и ее сына и вместе с ними – на гибель тысяч им подобных, ни в чем не повинных людей. К читателю с «неумолимой очевидностью» приходит «понимание того, что народ не бессмертен, как не бессмертен человек. Гибель Давида у Гроссмана не просто символична, она в буквальном смысле соизмерима с исчезновением народа» (Ольбрых 2002: 52). Для Л. Н. Толстого в романе «Война и мир» еще не настолько созрела надобность задать вопрос, поднятый в «Жизни и судьбе» о том, «что должно было произойти с миром и с людьми, чтобы этот ад стал возможен?» (Ольбрых 2002: 53). Л. Н. Толстой еще придерживается мысли о том, что «нет мира, нет общности, нет целостности без войны» (MacMaster 1978: 484). Во взглядах Л. Н. Толстого «поворот оси мира воспринимается как правильный и законный, а у Гроссмана порождён реальностями XX века и воспринимается как катастрофический» (Аннинский 1988: 261).

Художественный мир В. Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» наполнен печальными, однотонными в цвете образами, в нем нет жизнерадостных сцен, «ни цветов, ни красок» (Гроссман 1990: 400), нет светлых надежд на будущее, нет жизни, только трагическое существование, когда сила воли полностью разрушена в противоположность «Войне и миру», где «много счастья, тепла, уюта» (Бочаров 1978: 15). На эту художественную тонкость образных картин, воплощенных талантом писателей в обсуждаемые произведения, указывает и А. Латынина в работе Е. Юдковской:

«Да, как художник, Гроссман развивается в струе Толстого и, конечно, примеривается к «Войне и миру». Но видно и другое – недостаток той художественной пластичности, которая так поражает у Толстого. Пьер, Андрей Болконский, Наташа – живые фигуры, характеры, которыми мы меряем и определяем свое отношение к миру» (Юдковская 1989: 27).

В. Гроссман строит свои взгляды на мир, прежде всего основываясь на земные взаимоотношения людей. Для него истинная свобода и счастье возможны только на земле, они есть основа достойной человеку жизни, а не рабского существования, как это сложилось в трагической истории человечества XX века. Соответственно философии В. Гроссмана, когда человек умирает, то он «переходит из мира свободы в царство рабства. Жизнь – это свобода, и потому умирание есть постепенное уничтожение свободы» (Гроссман 1990: 295). А в романе Л. Н. Толстого смерть означает дорогу, по которой можно «вернуться к общему и вечному источнику» любви, а «любовь есть бог» (Толстой 1981: 48). Автор «Жизни и судьбы» в своем романе на первый план выносит прежде всего поведение людей из разных слоёв общества и жизнь ставит в зависимость от их деяний, в противоположность взглядам Л. Н. Толстого, который, соответственно словам Мадьярова в романе

«Жизнь и судьба», прежде всего «исходит не от человека, а от Бога. Ему важно, чтобы восторжествовала идея, утверждающая доброту [...]» (Гроссман 1990: 148) только «ведь богоносцы всегда стремятся насильственно вселить Бога в человека, а в России для этого не постоят ни перед чем, подколют, убьют – не посмотрят» (Гроссман 1990: 148). В. Гроссман для подкрепления своих взглядов о вере в жизнь только на земле и о зависимости ее истинного смысла прежде всего от людей вводит в текст своего романа размышления Чехова о том, как

«[...] даже и Толстой не сказал: все мы прежде всего люди, понимаете ли вы люди, люди, люди! Сказал в России, как никто до него не говорил. Он сказал: самое главное то, что люди – это люди, а потом уж они архиереи, русские, лавочники, татары, рабочие. [...]. Пусть Бог посторонится, пусть посторонятся так называемые великие прогрессивные идеи, начнем с человека, будем добры, внимательны к человеку, кто бы он ни был, [...], начнем с того, что будем уважать, жалеть, любить человека, без этого ничего у нас не пойдет. Вот это и называется демократия, пока несостоявшаяся демократия русского народа» (Гроссман 1990: 148).

Здесь следует заметить, что в «сознании Гроссмана Чехов приходит на помощь» (Аннинский 1988: 262) не только автору «Жизни и судьбы», но может помочь и в интерпретации мировосприятия героями и автором «Войны и мира», которые спасение мира прежде всего поручают силе, исходящей от веры в Бога. Читатель соглашается с тем, что мир романа В. Гроссмана «выстроен под мощным воздействием Толстого, весь купол выверен как бы его глазом, но человеческим сердцем своим Гроссман зовет Чехова, любит Чехова, и имя Чехова повторяется в романе [...]» (Аннинский 1988: 262).

Сквозь «Жизнь и судьбу» В. Гроссмана и «Войну и мир» Л. Н. Толстого проходят параллели об идеях восприятия и осмысления авторами войны как «народной». Идея поэтизации «народной войны, бесспорно, могла возникнуть у Василия Гроссмана под влиянием Льва Толстого» (Кулиш 1988: 29). Возможно, как замечает А. Латынина, «если где близок Гроссман к Толстому, так это в понимании войны как войны народной, которая выигрывается не наверху, а великой силой народного сопротивления чужеземному владычеству» (Юдковская 1989: 29). Размышляя о романах «Жизнь и судьба» и «Война и мир» как о неповторимых образцах военной прозы, следует указать на еще одну важную параллель в повествовательном характере произведений, а именно – на правдивое изображение писателями «народной войны» в самом истинном понимании значения этого слова, смысл которой, как указывает Л. Лазарев, заключается в «нравственном отношении художника к предмету изображения, которое Толстой считал одним из обязательных свойств истинного художественного произведения. Это нравственное чувство, верность правде, какой горькой она ни была», управляли В. Гроссманом и Л. Н. Толстым «в изображении великих бед и нашего срама» (Лазарев 1988: 223).

Герои «Жизни и судьбы» и «Войны и мира», которые действительно сражались за спасение своей страны от чужеземных захватчиков и грабителей, боролись не за бессмысленные «идеалы, официально провозглашенные» (Юдковская 1989: 29). Они героически воевали за свою собственную свободу, за мирную жизнь их семей, детей, родителей. Следует вспомнить, например,

сталинградского управдома Грекова в романе «Жизнь и судьба», который воюет за то, чтоб люди жили свободно, чтоб ими никто не руководил, «как овцой» (Гроссман 1990: 135). «Свободы хочу, за нее и воюю!» (Гроссман 1990: 226), – признается Греков. В окруженном доме «шесть дробь один», в котором он находился и сражался вместе с солдатами, в разговорах ставятся вопросы с той «остротой, с какой они не звучали до войны. Там говорится и о голоде, постигшем страну в коллективизацию, и о репрессиях [...]», и даже близко не о том, чтобы «коммунизм не подвергся деформации» (Юдковская 1989: 29). Аналогичные мотивации участия в войне руководят и взглядами майора Ершова в романе «Жизнь и судьба»:

«Он чувствовал, ему было ясно, что, борясь с немцами, он борется за свободную русскую жизнь, победа над Гитлером станет победой над теми лагерями, где погибли его мать, сестры, отец» (Гроссман 1990: 166).

В романе «Война и мир» в основе мотиваций воинов французской армии к уничтожению русских солдат в Бородинском сражении тоже не лежат стремления к воплощению в жизнь через пролитие крови каких-либо грандиозных мировых идей, ими руководит самая простая и в то же время очень могучая боязнь холода и голода:

«Солдаты французской армии шли убивать русских солдат в Бородинском сражении не вследствие приказа Наполеона, но по собственному желанию. Вся армия: французы, итальянцы, немцы, поляки – голодные, оборванные и измученные походом, – в виду армии, загоразивавшей от них Москву, чувствовали, что вино откупорено, и надо выпить его. Ежели бы Наполеон запретил им теперь драться с русскими, они бы его убили и пошли бы драться с русскими, потому что это было им необходимо» (Толстой 1968: 227).

Размышляя над военными аспектами романа Л. Н. Толстого и В. Гроссмана, нельзя не обратить внимание и на тех, кто руководил войсками, на их умения и способности, которые проявлялись в командирском творчестве «управления, [...] властвования и повелевания» (Ланин 1992: 35). Л. Н. Толстой в «Войне и мире» и В. Гроссман в «Жизни и судьбе» включают в композиционную структуру своих романов реальные портреты исторических персонажей. На страницах произведений мы встречаемся не только с рядовыми солдатами, но и с настоящими «генералами» – Сталиным, Гитлером в «Жизни и судьбе» (подробнее см. Лазарев: 2006), с Наполеоном, Кутузовым – в «Войне и мире». В поисках параллелей во внешней форме войска в исследуемых романах следует обратить внимание на размышление Б. А. Ланина о том, что «внешнюю структуру войска Л. Н. Толстой сравнивал с конусом», при этом не забывая о «нравственной ответственности людей, находящихся в различных точках этого воображаемого конуса. Причем стоящие на самом вершине должны быть ответственны не только за дело, но и за прочность основания, за сохранность каждой его составляющей» (Ланин 1992: 30). Эти мудрые уроки, преподнесенные Л. Н. Толстым о военном искусстве, продолжает и развивает в романе «Жизнь и судьба» В. Гроссман. В обоих произведениях читатель найдет примеры настоящих, заботливых командиров и им преданных солдат, а также таких командиров, для которых человеческая жизнь ничего не стоила ради достижения часто бессмысленных целей и результатов. В. Гроссман, продолжая

традиции Л. Н. Толстого, не отрицает законы военной науки, даже ссылается на высказанную «в свое время Толстым мысль о том, что осуществить полное окружение армии невозможно», и эта мысль «подтверждалась современным Толстому военным опытом» и «была, несомненно, верна для своего времени», но «она не обладала вечной жизнью» (Гроссман 1990: 349)

В романе В. Гроссмана формируются новые теории о стратегии и тактике ведения боя с учетом техусловий, в которых сражался советский народ времен Второй мировой войны. В «Жизни и судьбе» человек «живет и воюет под неусыпным присмотром государства» (Дедков 1988: 231). Несмотря на то, что многие истинные знатоки военной науки, например, Новиков, «составляли планы своих будущих военных действий, и это командирское творчество дало в конце концов свои весомые результаты, многое из того, что делалось Ставкой, не было им, разумеется, известно, и это обстоятельство обрекало на несбыточность, неосуществимость различных, зачастую и талантливых планов» (Ланин 1992: 20). На эту особенность управления войсками указывает и Л. Н. Толстой в «Войне и мире», соответственно которой «заслуга в успехе военного дела зависит не от них», больших полководцев, «а от того человека, который в рядах закричит: пропали, или закричит: ура! И только в этих рядах можно служить с уверенностью, что ты полезен!» (Толстой 1968: 57). Л. Н. Толстой напоминает читателю также и о том, что «на войне энергия молодых людей часто вернее указывает путь, чем вся опытность старых кунштаторов» (Толстой 1987: 475).

В. Гроссман в романе «Жизнь и судьба» представляет свои размышления о важных правилах в мастерстве командования войсками. Он в основу военных законов ставит собственную гуманистическую и свободную мысль о том, что «человек, лишенный “надсмотра”, переставший бояться окрика, [...], человек раскрепощенный, высвобождает все свои силы, и они, эти силы, помноженные на осознание правоты своего дела, способны принести Родине неоценимую пользу» (Ланин 1992: 21). Закон, основанный на приведенной мысли, применяет в своей тактике ведения боя и Новиков. Он глубоко понял природу современной войны, знает слабые и сильные стороны своих солдат, для него военное искусство означало не только «быть сильнее неприятеля в известный момент» (Толстой 1968: 231), например, когда Новиков принимает смелое и ответственное решение, внося самочинно коррективы в уже утвержденный командованием план операции, определяющий судьбу Великой Отечественной войны. Командир Новиков вводит в действие свой корпус на восемь минут позже предусмотренного планом. Сделал он это для того, чтобы наши артиллерия и авиация уничтожили и подавили как можно больше огневых точек противника и тем самым создали более благоприятные условия для действия наших войск. Инициатива, проявленная Новиковым, и есть свидетельство подлинного военного искусства, душой командира и воина. Иначе и не могло случиться, поскольку Новиков знал, что существует «право больше, чем посылать, не задумываясь, на смерть, – право задуматься, посылая на смерть. Новиков исполнил эту ответственность» (Гроссман 1990: 343). При первой встрече с мальчишками-новобранцами, которые издали походили на сельских школьников с детскими тревожными глазами, худым лицом и тонкой шеей, Новиков смотрел на них как на «живую силу» (Гроссман 1990: 266), которую надо беречь. В романе «Жизнь и судьба» Новиков остался

верным тому, что лежит в основе всего существующего, умиению дорожить людьми. В последний раз мы видим его в романе, когда он отправляется в Москву, но не за повышением в знак благодарности за успешно проведенную боевую операцию, когда были спасены солдаты и боевая техника, а для дачи показаний о несвоевременном выполнении приказа о наступлении.

Проявление гуманизма Новикова в военном деле созвучно с тактическим замыслом Кутузова в романе «Война и мир», когда он принимает однозначное решение об отступлении «вниз по Дунаю» ради спасения своих солдат и

«вместо наступательной, глубоко обдуманной, по законам новой науки – стратегии, войны, план который был передан Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом, единственная, почти недостижимая цель, представлявшаяся теперь Кутузову, состояла в том, чтобы, не погубив армии, подобно Маку под Ульмом, соединиться с войсками, шедшими из России» (Толстой 1981: 140).

Качества, проявившиеся Новиковым и Кутузовым в их умении разумно принимать решения и гуманно реализовать свою власть в управлении солдатами, возвысились над общими свойствами и чертами генерала или гениального полководца, представленными Л. Н. Толстым, соответственно которым каких-нибудь особенных качеств «не нужно хорошему полководцу, но, напротив, ему нужно отсутствие самых лучших, высших, человеческих качеств – любви, поэзии, нежности, философского пытливого сомнения. Он должен быть ограничен, твердо уверен в том, что то, что он делает, очень важно [...]. Избави бог, коли он человек, полюбит кого-нибудь, пожалеет, подумает о том, что справедливо и что нет» (Толстой 1981: 57). Такие полководцы «гнали живую силу под огонь даже не для перестраховки и формального выполнения приказа, а от лихости, от упрямства» (Гроссман 1990: 266), вследствие чего жизнь солдата обращалась в пепел перед собственными амбициями вышестоящего по служебной лестнице.

Сходство взглядов В. Гроссмана и Л. Н. Толстого проявляется не только в изображении методики управления войсками, хроники военных действий а также в сценах описания военного быта и даже пейзажа. Быт «как бы «вытягивает» человеческое сознание из кровавой суеты» (Ланин 1992: 24). Даже в самых неординарных, неожиданных обстоятельствах войны и армейской жизни быт диктует солдату хотя бы минимальные составные детали элементарного удобства его прежнего образа и ритма жизни, соответственно которым он живет в мирное время или вне армии. Ведь «человек не так легко покоряется судьбе, он стремится быть самим собой, оставаться прежним. И нередко его выручает быт» (Ланин 1992: 24). Быт помогает солдатам В. Гроссмана и Л. Н. Толстого вернуться, хотя и на короткий промежуток времени, к тем элементам, которые составляют основу человеческой жизни без страха. В романе «Жизнь и судьба», когда с наступлением темноты налеты немецкой авиации прекращались, то для солдат наступало

«время бритья, постирушек, писания писем, время, когда фронтовые слесари, токари, паяльщики, часовщики мастерили зажигалки, мундштуки, светильники из снарядных гильз с фитилями из шинельного сукна, чинили ходики», а «на переднем крае хоронили погибших, и убитые проводили первую ночь своего вечного сна рядом с блиндажами [...], где товарищи их писали

письма, брились, ели хлеб, пили чай, мылись в самодельных банях» (Гроссман 1990: 16-17).

Момент вовлечения В. Гроссманом в военные действия художественного произведения таких бытовых элементов мирной жизни, которые, возможно, на мгновение помогут участнику боевых операций облегчить свою участь в них, созвучен с традицией, заложенной Л. Н. Толстым в методике изображения войны. В романе «Война и мир» эти мысли воплощены через воспоминания Пьера, «в слышанном им рассказе о том, как на войне солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им делать нечего, старательно изыскивали себе занятие для того, чтобы легче преносить опасность» (Толстой 1981: 224).

Анализируя чувственный мир солдатской жизни в романах В. Гроссмана и Л. Н. Толстого, нельзя не упомянуть о могучем чувстве обреченности и одиночества солдата. В «Жизни и судьбе» генерал Еременко ощущает, что война, «которую командующий привык толкать, вдруг втянула его в себя, он стоял тут, на сыпучем песке, одинокий солдат, потрясенный огромностью огня и грома, чувствовал, что народная война больше, чем его умение, его власть и воля» (Гроссман 1990: 27). Переживания командира Еременко созвучны с восприятием и пониманием этого чувства героем «Войны и мира» графом Растопчиным, деятельность которого

«была направлена только на то, чтобы возбудить в жителях то чувство, которое он сам испытывал, – патристическую ненависть к французам и уверенность в себе. Но [...] когда оказалось недостаточным только словами выражать свою ненависть к французам, когда нельзя было даже сражением выразить эту ненависть, когда уверенность в себе оказалась бесполезной по отношению к одному вопросу Москвы, [...] – тогда роль, выбранная Растопчиным, оказалась вдруг бессмысленной. Он почувствовал себя вдруг одиноким, слабым и смешным, без почвы под ногами» (Толстой 1968: 350).

Своеобразно приспособилась в романах «Жизнь и судьба» и «Война и мир» природа к войне. Военный пейзаж в романе В. Гроссмана и Л. Н. Толстого – это «описание некоей неестественной картины, какого-то воспалительного процесса, происходящего в ноосфере и затрагивающего все живое» (Ланин 1992: 23). Война в романе «Жизнь и судьба» влияет не только на человеческую жизнь, она меняет даже законы природы:

«Виляя тяжелым, полным шелкового волоса хвостом, побежала лисица, а заяц бежал не от нее, а вслед ей; поднялись в воздух, маша тяжелыми крыльями, соединенные, быть может, впервые вместе хищники дня и хищники ночи [...]. Кое-кто из сусликов спросонок выскочил из норы, как выбегают из горящих изб сонные, взлохмаченные дядьки. Вероятно, сырой утренний воздух на огневых позициях стал теплей на градус от прикосновения к тысячам горячих артиллерийских стволов» (Гроссман 1990: 342).

Картины природы в романах влетают в картины военных действий, подчиняются им и меняются под их влиянием. В романе «Война и мир» от первых выстрелов на Бородинском поле «заколебался воздух» (Толстой 1968: 232), а в конце сражения дождь озвучивается словами повествователя и превращается в предупреждающий воинов небесный образ:

«Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на убитых, на раненых, на испуганных, и на изнуренных, и на сомневающихся людей. Как будто он

говорил: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте [...]. Опомнитесь. Что вы делаете?» (Толстой 1968: 269).

Романы В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и Л. Н. Толстого «Война и мир» служат теми литературными образцами, которые через мастерство художественного слова дают читателю мудрые уроки истории XIX и XX веков, они есть и останутся ценнейшими источниками и инструментами для изучения и исследования политических, моральных, эстетических, этических проблем не только в прошлом, но и в современном обществе. Эти романы «сто лет люди читают и еще сто лет читать будут» (Гроссман 1990: 122).

ЛИТЕРАТУРА

- Аннинский 1988: Аннинский Л., Мирозданье В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253–263.
- Бочаров 1978: Бочаров С., Роман Л. Толстого «Война и мир». // «Художественная литература». Москва, 5–103.
- Бочаров 1985: Бочаров С., «Мир» в «Воине и мире». // О художественных мирах. Москва, 229–248.
- Гроссман 1990: Гроссман В. Жизнь и судьба. Роман. // «Ээсти раамат». Таллин, 7–475.
- Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, №11, 229–241.
- Кертес 2003: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №14–15.
- In: www.antho.net/jr/14-15.2003/11.php
- Кулиш и др. 1988: Кулиш В., Оскоцкий В., Эпос войны народной: Диалог о романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба». // Вопросы литературы. №10, 27–87.
- Лазарев 2006: Лазарь Л. «Правда безусловная и честная». Василий Гроссман и традиции русской классики.
- In: <http://lit/1september/ru/article.php?ID=200600215>
- Лазарев 1988: Лазарев Л., Дух свободы. // Знамя. 1988. Книга 9, 218–229.
- Ланин 1992: Ланин Б. А., Новая проза о войне и диалогия В. Гроссмана «Жизнь и судьба». // Российская академия образования. Институт общеобразовательной школы. Москва, 20–50.
- Ольбрых 2002: Ольбрых В. Беседы о Василии Гроссмানে. // По материалам Международных литературных чтений в Гдыне и дискуссии в газете «Литературные вести». Варшава-Москва, 3–67.
- Солженицын 1990: Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. // «Новый мир». Москва, 3–95.
- Толстой 1981: Толстой Л. Н. Война и мир. Роман в четырех томах. // «Просвещение». Москва. Том первый, 5–285. Том второй, 3–301. Том четвертый, 3–269.
- Толстой 1968: Толстой Л. Н. Война и мир. Роман. // «Кыргызстан». Фрунзе. Том третий 5–411.
- Эпштейн 2007: Эпштейн Дж. «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана – правдивая хроника Сталинградской бтвы.
- In: <http://balance.metakultura.ru/ravnovesie/3585.htm/>
- Юдковская 1989: Юдковская Е. Роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» и его критика. Преодоление. «Круглый стол». // Литературное обозрение, №6, 24–34.
- MacMaster 1978: Robert E. MacMaster, No Peace Without War – Tolstoj's War and Peace as Cultural Criticism. // American Contribution To The International Congress of Slavists. Vol 2. Ed. By Victor Terras, Columbus, Ohio, 1978. 438–484.